

Дай найти слова

инсценировка по книге «Время сердца» (переписка Ингеборг Бахман и Пауля Целана)

(пролог)

П. эта жизнь, кажется, сплошь состоит из упущений

И. я устаю от сомнений, ещё не начав писать

П. и, наверное, лучшее, что тут можно сделать, — не искать слишком долго ее разгадку, иначе ни одно слово так и не сдвинется с места

И. я размышляю и размышляю, но по-прежнему думаю на том языке, к которому более не испытываю доверия, на котором я больше не хочу выражать себя

П. мое молчание, наверное, понятнее, чем твое, потому что тьма, которая навязывает его мне, старше

И. я погружаюсь в стихи и разговариваю с тобой

П. увеселительная игра с мрачными материями — поставленная, разумеется, на службу литературе

И. с восьми часов утра и до шести часов вечера надо делать вид, будто чрезвычайно важно ставить на листе бумаги запятые или двоеточия

П. ты для меня основа жизни, между прочим, и потому, что была и остаешься оправданием моего говорения

И. силы мои кончаются, стоит мне только поставить дату или заправить лист в машинку

титр: 16 мая 1948 года

*Знакомство Ингеборг Бахман
с Паулем Целаном*

Я на привязи прочной

П. Мучительно точной,
через 22 года после ее рождения,
от мучительно неточного.
Вена, 23 мая 1948 года

титр: Ты должен в глаза ей, Чужой, сказать: будь водой.

И. Пишу не потому, чтобы ты снова написал, а потому что это мне доставляет радость и я так хочу. А еще я собиралась на днях встретить тебя где-нибудь в Париже, но потом глупое тщеславное чувство долга удержало меня здесь, и я никуда не поехала. Как это понимать: где-нибудь в Париже? Не знаю, совсем ничего не знаю, но уж как-нибудь все получилось бы здорово. Вена, рождество 1948 года

П. Пиши мне так, как если бы ты писала — ему, который постоянно думает о тебе и когда-то вложил в твой медальон листок, который ты теперь потеряла. Не заставляй меня, не заставляй его ждать! Париж, 26 января 1949 года

И. Я два или три раза принималась писать тебе письмо, а потом его все же не отсылала. Но разве это что-нибудь значит, если мы думаем друг о друге и если, быть может, это продлится еще очень долго.

Пытаюсь не думать о себе и не добираться с закрытыми глазами до смысла того, что, собственно, имеется ввиду

титр: Ты должен тех, кого знаешь в воде, искать в глазах у Чужой.

И. На прощанье скажу твой листок, который ты вложил в мой медальон, никуда не затерялся, хотя в медальоне его давно больше нет; я думаю о тебе и все еще слышу тебя.
Вена, 12 апреля 1949 года

титр: Ты должен позвать их всех из воды: Руфь! Нозминь! Мириам!

И. Вчера Клаус Демус принес твои стихи, которых я прежде не знала, три из них — совсем недавние. Невыносимо, что они попали ко мне таким вот окольным путем. Прошу, прошу тебя, не надо так. Ведь хоть что-то должно же оставаться и для меня.

Я умею читать их лучше, чем другие, потому что встречаю в них тебя с тех самых пор, как больше не стало нашей с тобой Беатриксгассе. Все говорит мне о тебе, я погружаюсь в стихи и разговариваю с тобой, обхватываю ладонями твою чужестранную темную голову и хочу сдвинуть камни с твоей груди, разжать твою руку с гвоздиками и услышать, как ты поешь. Со мной не произошло ничего такого, что вдруг побудило бы меня думать о тебе больше. Все как всегда, у меня есть работа и успех, меня вроде как окружают мужчины, но это не имеет значения: ты слышишь, свет и мрак чередуются друг с другом, и дни пролетают словно миг... Вена, конец мая – начало июня 1949 (?) года

П. Нет, в этом году я приеду «неточно» и с опозданием. Но, может, лишь потому что хотел бы: пусть никого, кроме тебя, не будет, когда я поставлю маки, очень много маков, и память, памяти тоже не меньше, — два больших сияющих букета — на твой накрытый к дню рождения стол. Вот уже несколько недель я предвкушаю этот момент. Париж, 20 июня 49 года

И. Я снова почувствовала запах маков, сильно, очень сильно, ты восхитительно колдовал тогда, мне никогда этого не забыть.

...

мы любим друг друга как мак и память,

Я часто размышляла о том, что «Корона» — твое самое прекрасное стихотворение, оно самым совершенным образом предугадывает то особое мгновение, когда все обратится в мрамор и будет навсегда.

Мы обнявшись стоим у окна, они с улицы смотрят на нас:
время пришло, чтобы знать!
Время камню решиться цвести,

Но мне здесь не придет «время». Я жажду чего-то, что мне недоступно, все тут плоское и затхлое, обессилившее и использованное еще до того, как им успели попользоваться. Вена, 24 июня 1949 года

П. Ты, значит, приедешь только через два месяца — почему? Ты этого не говоришь. Пока что мы, как ты предлагаешь, могли бы «обмениваться письмами». А знаешь, Ингеборг, почему весь последний год я тебе так редко писал? Не только потому, что Париж загнал меня в тупик жуткого молчания, из которого я пока не выбрался; я, кроме того, не знал, что ты думаешь о тех коротких неделях в Вене. Как я мог это понять по твоим первым, в спешке набросанным строчкам, Ингеборг?

Может, я ошибаюсь, может, дело обстоит так, что мы избегаем друг друга именно там, где очень хотели бы встретиться, может, виноваты мы оба. Только я иногда говорю себе, что мое молчание, наверное, понятнее, чем твое, потому что тьма, которая навязывает его мне, старше. Париж, 20 августа 49 года

И. Уже ноябрь. Письмо, которое я написала в августе, по-прежнему не отправлено — все так печально. Ты, должно быть, дождался его. Примешь ли ты его сегодня?

Я чувствую, что говорю слишком мало, чувствую, что не могу тебе помочь. Мне бы надо приехать, посмотреть на тебя, извлечь тебя наружу, поцеловать и крепко держать, чтобы ты не ускользнул. Прошу, верь, что я однажды приеду и верну тебя. Я со страхом наблюдаю, как тебя уносит в огромное море, но я построю корабль и верну тебя, пропавшего, домой. Только ты сам помоги мне в этом и не усложняй мою задачу. Время и много чего еще — против нас, но мы не позволим ему разрушить то, что хотим спасти из его потока. 24 ноября 1949 года

титр: Ты должен убрать украшениями их, когда возлежишь с Чужой.

И. Помнишь ли ты еще наши первые разговоры по телефону? Как это было трудно: мне всегда словно воздуха не хватало — ощущение, похожее на то, что сопровождало до сих пор нашу переписку.

Помнишь ли еще, как ты всегда немножко досадовал по поводу моей прямооты и открытости в некоторых вещах? Не знаю, что тебе сейчас захочется знать, а что — нет, но ты наверняка можешь предположить, что после тебя у меня были другие мужчины. Твое тогдашнее пожелание на сей счет я выполнила; я тебе об этом еще не говорила.

Но ни разу не возникло прочных отношений, я нигде долго не задерживаюсь, я стала еще беспокойней, чем прежде, и не хочу и не могу никому ничего обещать. Ты спрашиваешь, как далеко теперь отодвинулись наш май, наш июнь — ни на один день не отодвинулись, любимый мой! Тот май и тот июнь для меня — это сегодняшний вечер, или завтрашний день, и так будет еще много лет.

Очень хочу, чтобы ты прочитал в строчках моего письма и то, что спрятано между строк. Вена, 25 августа 1949 года

титр: Ты должен убрать украшениями их из облачных влас Чужой.

И. Я только теперь поняла сколь много недоразумений накопилось между нами. Поверь мне, я, по меньшей мере, осознанно не совершала тех ошибок, которые так отдалили меня от тебя и сделали чужой. Я несколько недель болела; нервный срыв со всеми вытекающими последствиями лишил меня сил и способностей правильно реагировать и принимать какие-то решения.

Дорогой Пауль, мне трудно писать тебе о большем, потому что я чувствую: всё сможет снова наладиться только тогда, когда я буду стоять перед тобой, держать тебя за руку и рассказывать тебе все-все-все. Вена, 6 сентября 1950 года

П. Как я понял из устного, а теперь и письменного сообщения Нани, у тебя, Ингеборг, были неприятности. Мне очень жаль. Но я уверен, Париж тебя от таких неприятностей избавит: именно от таких. И, может, я сумею ему в этом немножко помочь. Видишь ли, мне пришлось долго бороться, прежде чем Париж меня по-настоящему принял и причислил к «своим». Ты не будешь так одинока, как я, не будешь жить в такой изоляции и отверженности, в какой жил я. Париж, 7 сентября 1950 года

И. Разумеется перед такой большой и решающей поездкой надо сделать очень многое, и я беспокоюсь о том, как мне — и насколько окончательно — сжечь за собой все мосты. Мне трудно продолжать письмо; оставим всё на те многие и многие дни вдвоем, которые у нас впереди. Вена, после 7-го сентября 1950 года

титр: Ты должен сказать Руфи, Нозминь и Мириам:

И. Иногда мне кажется, что все это какой-то путанный сон, и что тебя вообще нет, и Парижа нет, а есть лишь стоглавая гидра нищеты — жуткая, перемалывающая меня, не выпускающая из своих объятий.

За визой я поеду 5 октября; надеюсь, что она самом деле будет готова. Если к тому же поступят необходимые деньги, у меня после долгого перерыва, снова будет основание чувствовать себя счастливой. Вена, 27 сентября 1950 года

*титр: 14 октября – середина декабря 1950
пробывание Ингеборг Бахман в Париже*

П. Уже половина пятого, мне пора к ученику. Это было наше первое randevu в Париже, сердце мое стучит очень громко, а ты не пришла.

Я сегодня должен еще отработать два часа, ехать далеко, и вернуться не раньше, чем без четверти девять.

Подумай немного о том, какая тень коснулась меня, когда я с тобой заговорил.
Париж, 14 или 15 октября 1930 года

*титр: конец декабря 1950 – февраль 1951
поездка в Лондон, затем обратно в Париж
с 23 февраля, 7 марта 1951 года
Бахман возвращается в Вену*

И. Теперь вокруг меня так тихо, как после бомбежки во время войны, когда рассеялся дым и ты видишь, что твоего дома больше нет, и не знаешь что сказать; а что вообще тут можно сказать?

Ты ведь не ждешь, что я уже сегодня скажу что-нибудь «о нас»? Я сегодня не могу ясно мыслить, мне сначала нужно отойти от всего этого, вот только, я боюсь что тогда далеко отойду и от тебя.

Пожалуйста, пиши мне иногда. Пиши не слишком расплывчато, спокойно напиши о том, что занавеска на нашем окне сгорела и что люди с улицы снова смотрят на нас... Из письма написанного в марте, но отправленного 4 июля 1951 года с другими письмами.

титр: Смотрите, я сплю с Чужой!

И. Помнишь ли ты ещё, что мы все же, вопреки всему, были очень счастливы вместе, даже в самые худшие часы, когда мы были худшими врагами себе?

Почему ты мне не писал? Почему ты больше не чувствуешь, что я все еще хочу приехать к тебе, хочу всем своим сумасшедшим, сумасбродным и противоречивым сердцем, пусть оно порой и противится?.. До меня постепенно начинает доходить, почему я так сильно защищалась от тебя, почему я, возможно, никогда не перестану защищаться. Я люблю тебя и я не хочу тебя любить, это слишком весома и слишком трудно; но прежде всего я люблю тебя — я говорю тебе об этом сейчас, пусть и опасаясь, что ты этого больше не услышишь или не захочешь услышать. Вена, 4 июля 1951 года

П. На твои письма трудно ответить, Ингеборг, ты это знаешь, знаешь даже лучше, чем я, потому что можешь смотреть на ситуацию, в которой оказались мы оба, с той стороны, которая была решающей (чтобы не сказать изначально определяющей) для её возникновения. Будь я непричастен к происходящему — как увлеченно следил бы я тогда, да даже и извлекая из всего смысл, за этой двусторонней игрой «Прыг-нать-выше-себя», за этой диалектически приумножающейся призрачностью наших с тобой, всё-таки вскармливаемых кровью, реальностей!

До сих пор, Инга, ты получала от жизни больше, чем многие твои сверстники. Ни одна из дверей не оставалась для тебя закрытой, и для тебя постоянно распахиваются всё новые двери. У тебя нет оснований проявлять нетерпение, Ингеборг, и если позволишь мне высказать просьбу, то просьба эта такова: задумайся, как быстро все, чего ты только ни пожелаешь, оказывается в твоём распоряжении. И постарайся немного ограничить свои запросы.

Я говорю всё это, потому что хотел бы тебя предостеречь от успеха определенного рода: такой успех может оказаться очень кратковременным, и люди, которые подобно тебе, привыкли к тяжелой жизни, должны уметь обходить его стороной.

Всего тебе доброго и прекрасного!

Леваллуа, 7 июля 1951 года

И. Несколько раз я была готова к тому, чтобы принять решение вопреки себе, и возможно, мне снова и снова придется выбирать между мною и чем-то очень ясным, что всегда было со мной: между человеком, который стремится к легкости, ищет удобства, хочет нравиться и ещё много чего, и между чем-то другим, чем и посредством чего я на самом деле живу и от чего я, в конечном счете, ни за что на свете — я могу это выразить лишь банальными словами — не отступлюсь.

Желаю тебе самых прекрасных впечатлений в те спокойные недели, которые ты проведешь в Леваллуа.

Недавно на венском Сецессионе читали твои стихи. У меня такое впечатление, что твоё имя всё шире распространяется здесь.

Вена, 17 июля 1951 года

титр: Ты должен Чужую, что рядом с тобой, украсить изысканней всех.

И. Дорогой Пауль! Когда я сегодня спрашиваю себя, чего же мне хочется, задаюсь вопросом своих истинных желаний, то я не решаюсь дать себе ответ, возможно, я даже пришла к выводу, что нам не стоит чего-то желать, что мы должны лишь выполнять определенный объем работы, что то, чем мы постоянно заняты, не оказывает никакого воздействия, что несмотря на это, с восьми часов утра и до шести часов вечера надо делать вид, будто чрезвычайно важно ставить на листе бумаги запятые или двоеточия. Санкт-Вольфганг, 30 августа 1951 года

титр: Ты должен убрать её украшениями боли за Руфь, Мириам и за Ноэминь.

И. Дорогой Пауль! Журнал «Ворт унд Вархайт» опубликовал два твоих стихотворения: «Как разветвляется время...» и «Так спи, мои глаза...». Как только номер появится, ты получишь один экземпляр.

Вена, 4 октября 1951 года

П. Моя дорогая Инга!

Эта жизнь, кажется, сплошь состоит из упущений, и, наверное, лучшее, что тут можно сделать, — не искать слишком долго ее разгадку, иначе ни одно слово так и не сдвинется с места.

Трудная встреча с Парижем: поиски комнаты и людей — и то и другое разочаровывает. Болтливые одиночества, растаявший снежный ландшафт, приватные тайны, нашептываемые всем и каждому. Короче, увеселительная игра с мрачными материями — поставленная, разумеется, на службу литературе. Иногда стихотворение кажется маской, существующей лишь потому, что другие порой нуждаются в какой-то штуквине, за которой они могут спрятать свою нежно любимую повседневную рожу.

Однако хватит ругаться — наша Земля не станет от этого круглее, а в Париже и этой осенью во второй раз цветут каштаны.

Дорогая Инга, я должен поблагодарить тебя и Клауса за публикацию двух моих стихотворений в «Ворт унд Вархайт»: может, они и таким путем доберутся до чьих-нибудь ушей, которые не законопачены наглухо.

Видишь? Я еще держусь, обхожу окрестные дома, бегаю по пятам за самим собой... Знать бы мне только взаправду, который час пробил! Но взаправду ли он лежал перед моей дверью — тот камень, который я пытаюсь отвалить? Ах, слово приходит только по воздуху и приходит — я опять этого боюсь — во сне.

Давай мне знать обо всем, о чем можно сообщить, и сверх того посылай иногда какое-нибудь тихое слово — из тех, которые всплывают, когда человек одинок и может говорить только с далями. Я тоже буду так делать.

Что легче легкого в такой час! Париж, 30 октября 1951 года

И. Дорогой Пауль, я знаю, что ты теперь меня больше не любишь, что ты больше не думаешь о том, чтобы взять меня к себе, — и все же я не могу иначе, не могу не надеяться, не работать с надеждой подготовить тем самым почву для совместной жизни с тобой, что дало бы нам определенную материальную стабильность, позволило бы нам — здесь ли, там ли — начать все заново.

Ты часто ставил мне в упрек, что меня не трогают твои стихи. Порой я живу и дышу только ими и сквозь них.

Вена, 10 ноября 1951 года

титр: Ты должен сказать Чужой:

И. Тебя приглашают на весеннее заседание немецкой «Группы47». Твое участие будет очень важно для тебя, поскольку туда приглашают всю немецкую прессу, литературных редакторов немецких радиостанций и т. п., которые сразу же покупают лучшие рассказы, стихотворения и т. п.

Вена, 3 ноября 1951 года

титр: Начало (?) ноября 1951 года

Знакомство Пауля Целана с Жизелью де Лестранж

И. Дорогой мой Пауль!

Уже очень давно от тебя никаких известий. Я не знаю, получили ли ты моё письмо и бандероль, не знаю приедешь ли в Австрию. Но это вовсе не упрек. Я только беспокоюсь — я ведь совсем не знаю, как у тебя дела и «где» ты находишься.

Вена, 26 января 1952 года

П. Дорогая Ингеборг!

Только потому, что мне очень тяжело отвечать на твое письмо, я пишу лишь сегодня. Это не первое мое письмо к тебе за то время, пока я ищу ответ, но, надеюсь, на сей раз — письмо, которое я еще и отправлю.

Я решил сказать вот что: Инга, не будем больше говорить о том, чего не вернуть: такие разговоры только растрavляют старую рану, сердят и расстраивают меня, ворошат прошлое — а это прошлое часто казалось мне провинностью, ты это знаешь, я давал тебе возможность это почувствовать, даже понять, — они окунают все вещи в темень, над которой приходится потом долго сидеть, чтобы опять вытащить их оттуда, дружба же упорно не желает выступить в роли спасителя...

Нет, не будем больше гадать о невозвратном, Ингеборг. И, пожалуйста, не приезжай ради меня в Париж! Мы только причиним боль друг другу, ты мне и я тебе — какой в этом смысл, скажи?

Мы достаточно друг о друге знаем, чтобы понять: между нами возможна только дружба. Другое непоправимо потеряно.

Когда ты пишешь мне, я понимаю, что для тебя эта дружба что-то значит. Париж, 16 февраля 1952 года

И. Когда я вчера снова и снова перечитывала твоё письмо, я чувствовала себя ужасно, всё мне кажется совершенно бессмысленным и напрасным: мои старания, моя жизнь, моя работа. Не забудь, что «невнятности», которые ты осуждаешь, есть следствие того, что я говорю в пустоту. У меня больше нет возможности что-то исправить, и это самое худшее, что может с человеком произойти. Ситуация моя всё более призрачная. Я всё поставила на карту, и я проиграла. Что со мной будет дальше меня мало интересует.

Давай поговорим о другом: Шёнвизе взял твои стихи, на следующей неделе он приедет в Вену, и я уверена, что и этот «пункт»положительно разрешится между его и нашей студией. Вена, 21 февраля 1952 года

титр: 23-27 мая 1952 года

Встреча Бахмин и Целана в Нинфорде и Гамбурге

И. С тобой хотел познакомиться Дингельдей, директор издательского объединения. Обязательно напиши Коху, чтобы все получилось с этими переводами и, возможно, с книжкой стихов. Не забудь также, что в этом очень заинтересованы «Франкфуртер Хефте» — издательство.

И в первую очередь: прямо сейчас отправь Ровольту рукопись. Я, разумеется, свою рукопись посылать не стала, потому что не хочу, чтобы нас снова «сталкивали» друг с другом.

Я снова виделась с Нани и Клаусом. Мне нелегко далось рассказать им о тебе и о тех днях в Германии; тем более трудно, что я не знаю, как ты теперь к этому относишься, с определенной дистанции. Мне и самой пока еще неясно, почему возникли тогда все эти трения и напряженность. Я лишь отчетливо вижу, что наш первый разговор уничтожил все мои надежды и старания прошлых лет, что ты сумел обидеть меня намного сильнее, чем я тебя когда-нибудь обижала. Не знаю, удалось ли тебе уже дать себе отчет в том, что ты мне тогда сказал, в тот самый момент, когда я приняла окончательное решение перебраться к тебе, вновь обрести тебя, отправиться с тобой в «джунгли» — неважно, в какой форме; и я

не понимаю лишь одного: почему ты через несколько часов или дней, когда мне уже было известно, что ты уходишь к другой, стал упрекать меня в том, что я не была с тобой рядом в этих самых немецких «джунглях». Ответь мне, как я могу быть рядом с тобой, если ты уже давно ушел от меня? Во мне все холодеет от мысли, что все произошло уже давно и я этого не почувствовала, что я была такой непонятливой.

Но я хочу попытаться сохранить дружбу, которую ты мне предлагаешь. Ей долго еще будет мешать то самое смутение, от которого долго еще будет несвободна и твоя дружба со мной.

Но я и теперь всем сердцем с тобой. Вена, 10 июля 1952 года

титр: Смотри, я спал с ними!

И. Я пытаюсь потихоньку писать; продвигаюсь с трудом и хуже, чем раньше. Не спрашивала ли я уже, можно ли тебе что-нибудь послать? Может ты мне в чем-то поможешь.

Но для меня более важным было бы письмо, в котором ты расскажешь о себе, пусть и не отвечая на то, что писала я. Я уже научилась терпеть, что меня как бы не замечают. Прошу тебя, напиши!

Ингеборг

Вена, 24 июля 1952 года

титр: В Египте

Ты должен в глаза ей, Чужой, сказать: будь водой.

Ты должен тех, кого знаешь в воде, искать в глазах у Чужой.

Ты должен позвать их всех из воды: Руфь! Ноэминь! Мириам!

Ты должен убрать украшениями их, когда возлежишь с Чужой.

Ты должен убрать украшениями их из облачных влас Чужой.

Ты должен сказать Руфи, Ноэминь и Мириам:

Смотрите, я сплю с Чужой!

Ты должен Чужую, что рядом с тобой, украсить изысканней всех.

Ты должен убрать её украшениями боли за Руфь, Мириам и за Ноэминь.

Ты должен сказать Чужой:

Смотри, я спал с ними!

Вена, 23 мая 1948 года

Мучительно точной,

через 22 года после ее рождения,

от мучительно неточного.

(текст титра постепенно распадается)

И. Дорогой Пауль!

Не придёшь ли ты мне свои стихи? Журнал «Фурхе» и радиостанция срочно требуют! Вена, 15 августа 1952 года

И. Дорогой Пауль! Возможно в эти дни в Вену пришло письмо от тебя, а меня там сейчас нет. Позитано, 16 ноября 1952 года

титр: 23 декабря 1952 года
Женитьба Целана на Жизели
де Лестранж

И. Прости, что я лишь сегодня благодарю тебя за стихи. Я не могла собраться с духом.
Вена, 29 июня 1953 года

И. Дорогой Пауль!
Нани и Клаус рассказали мне, что ты составляешь антологию австрийской поэзии. Я с удовольствием пришлю тебе что-нибудь, но не чувствуй себя обязанным взять в сборник моё стихотворение. Сделай это лишь в том случае, если у тебя будет ощущение, что оно того стоит. Я приму любое твоё решение.
Вена, 18 июля 1953 года

И. Дорогой Пауль!
...
Сан-Франческо ди Паола, 2 сентября 1953 года

Время сердца

титр: 11-13 октября 1957 года
Встреча Бахман и Целана на
съезде Вуппертальского союза
«Литературная критика —
критический взгляд»

14 октября 1957 года
Встреча в Кёльне после съезда.

П. Я, Ингеборг, могу понять, что ты мне не пишешь,

титр: Время, ждущее часа

И. Приближаются дни посуровее этих.

П. не можешь писать, не будешь писать

И. Время, ждущее часа своей отмены,

П. я осложняю тебе жизнь своими письмами и стихами

И. уже видимо на горизонте.

П. осложняю еще больше, чем когда-либо прежде.

И. Вскоре ты зашнуруешь ботинки

П. Скажи только:

И. и на плацы погонишь собак.

П. стоит ли мне тебе писать и посылать стихи?

И. Ибо рыбы остыли
потроха на ветру.

П. Стоит ли приехать на несколько дней в Мюнхен

И. Скудный свет догорает люпинов.

П. (или еще куда-то)?

И. И в тумане твой чует взгляд:

П. Ты же понимаешь:

И. время, ждущее часа своей отмены,

П. поступить иначе я не мог.

И. уже видимо на горизонте.

П. Поступи я иначе,

И. По ту сторону жизни любимая тонет в песке,

П. это бы означало,

И. обсыпает песок взметённые пряди,

П. что я отрекаюсь от тебя

И. не даёт сказать слова,

П. а на это я не способен.

И. велит ей молчать,

П. Успокойся и не кури так много!

И. её смертной считает,

П. Сегодня — забастовка почтовых служащих, сегодня письма от тебя не будет.

И. желающей тут же расстаться

П. Во французской газете я прочитал афоризм:

И. всякий раз, как её обнимут.

П. «Недостойно великих сердец — распространять смятение, которое они испытывают».

И. Не оборачивайся.
 Зашнуруй же ботинки.
 Прогони собак.
 Выброси рыбу в море.
 Погаси люпины!

П. И все-таки! Вот:

.....

Еще одно, потому что оно не вправе остаться невысказанным:

Мое «...Ты знаешь, куда он указал» должно быть дополнено так: указал в сторону жизни, Ингеборг, в сторону жизни.

И. Приближаются дни посуровее этих.

П. А почему я завел об этом разговор: чтобы освободить тебя от ощущения вины, проснувшегося, когда знакомый мир для меня исчез. Чтобы освободить тебя от него навсегда. Ты должна, ты обязана мне написать, Ингеборг. Париж, 25 октября 1957

титр: Кёльн. На Подворье

П. Читай, Ингеборг, читай

титр: Время сердца,

И. Пауль!

П. пригрезившиеся

титр: пригрезившиеся —

И. Я благодарна тебе, что ты все рассказал жене, ведь «уберечь» ее от этого — значило бы стать еще более виноватым и унижить ее.

П. Крушение, Ингеборг? Нет, конечно, нет. Но: правда. А она, даже в нашем случае, есть нечто противоположное: потому что она — основополагающее понятие.

титр: цифрами полуночи.

И. Ведь она есть то, что она есть, и ты ее любишь. Но ты догадываешься, какое значение имеет для меня то, что она все приняла и поняла? И какое — для тебя самого?

П. Перепрыгивая через многое:

Я приеду в Мюнхен в конце ноября, числа 26-го

титр: Что-то сказано в тишину, что-то умолчано.

И. Ты сказал, что навсегда примирился со мной, я этих слов никогда не забуду. Следует ли мне теперь полагать, что я снова делаю тебя несчастным, снова несу раздор и разрушение, ей и тебе, тебе и мне? Для меня непостижимо, как можно быть настолько проклятой.

П. Возвращаясь в перепрыгнутое:

Я — да, не знаю, что все это означает, не знаю, как мне это назвать: предопределение, может быть, или судьба и призвание, поиск названий не имеет смысла, я просто знаю, что это так, навсегда.

титр: Что-то своею дорогой ушло.

И. Ты не имеешь права бросить ее и вашего ребенка. Ты мне ответишь, что это-де, уже случилось, что она уже брошена. Но я прошу тебя, не бросай их. Надо ли мне приводить какие-то доводы?

П. Со мной — как с тобой: я отваживаюсь произносить и писать твое имя, не ропща на озноб, который меня при этом охватывает, — что меня делает счастливым, вопреки всему.

титр: Изгнанное и Забытое

И. Если мне придется думать о ней и о твоём ребенке — а мне придется думать о них всегда, — то я не смогу обнимать тебя. Больше я ничего не знаю. Ты говоришь, что продолжение означает: «в сторону жизни». Это годится для пригрезившихся. Но неужели мы — всего лишь пригрезившиеся?

П. Ты ведь знаешь: ты для меня была, когда я тебя встретил, и тем и другим — и чувственным, и духовным. Это никогда не разъединится, Ингеборг.

титр: приют обрели.

И. И разве какое-то продолжение не случалось всегда, и разве мы уже не разочаровывались в такой жизни, не разочарованы в ней и сейчас, когда считаем, что все дело в одном только шаге — за порог, в ту сторону, вместе?

П. Вспомни «В Египте». Каждый раз, читая это стихотворение, я вижу, как в негоходишь ты: ты для меня основа жизни, между прочим, и потому, что была и остаешься оправданием моего говорения.

титр:

И. Я еще в Кёльне хотела тебе сказать, попросить тебя еще раз прочитать «Песни на путях бегства»; той зимой, два года назад, я была у последней черты и приняла твой отказ. Я больше не надеялась, что буду оправдана. Да и к чему?

П. Но дело не только в этом, не в говорении, я ведь хотел и молчать с тобой.

титр: О, соборы.

И. Там, во мне, твои кости — светлые флейты,
Я из них извлекаю волшебные звуки,
Что и смерть околдуют...

П. Ждать: я и такую возможность обдумывал. Но разве это не означало бы, среди прочего, ждать, что жизнь каким-то образом пойдет нам навстречу?

титр: О, соборы невидимые,

И. Сегодня утром я писала тебе: нам надо сейчас увидеться. В этом есть большая неточность, и я ее уже ощущаю, ты мне ее должен простить.

П. Нам жизнь навстречу не пойдет, Ингеборг, ждать такого — это был бы, наверное, самый неподходящий для нас способ быть здесь.

титр: о, реки укромные,

И. Ведь мне не отмахнуться от моих же слов: ты не имеешь права бросить ее и вашего ребенка. Скажи, считаешь ли ты несовместным, что я хочу тебя увидеть и все же говорю тебе такие вещи?

П. Быть здесь: да, это мы можем и имеем на это право. Быть здесь — друг для друга.

титр: о, часы глубоко внутри нас.

И. Эта неделя слишком худая, и я опасаясь, что мне не удастся завершить письмо прежде, чем оно закончится.

П. Знаешь, что я теперь снова могу говорить (и писать)?

Ах, я еще много чего должен тебе рассказать, в том числе и такое, о чем даже ты едва ли догадываешься.

титр (исчезает и появляется): Кёльн. На подворье

*Время сердца,
пригрезившиеся —
цифрами полуночи.*

*Что-то сказано в тишину, что-то умолчано.
Что-то своею дорогой ушло.
Изгнанное и Забытое
приют обрели.*

*.....
О, соборы.
О, соборы невидимые,
о, реки укромные,
о, часы глубоко внутри нас.*

*Париж, набережная Бурбон, воскресенье, 20 октября 1957,
половина третьего*

И. Я совсем измождена работой, Пауль, прости меня, это действительно так.

П. Как ни странно, по пути в Национальную библиотеку я купил «Франкфуртер Цайтунг». И наткнулся там на стихотворение, которое ты мне прислала вместе с «Время, ждущее часа» — написанное на клочке бумаги твоей рукой. Я много раз пытался истолковать его для себя, и вот теперь оно снова ко мне приходит — и при каких обстоятельствах!

И. От слабости меня бьет дрожь, но в начале следующей недели все будет лучше!

П. Прости, Ингеборг, прости мне глупую вчерашнюю приписку — я, может, никогда больше не буду так думать и писать. Ах, я был несправедлив к тебе все эти годы, и приписка, возможно, ...

И. Не могу написать тебе письмо за десять минут

П. 29 или 30-го смогу быть в Мюнхене. Смогу остаться там на несколько дней, три или четыре, скажи мне, хочешь ли ты еще этого.

И. Спасибо тебе за все, — ты знаешь

П. Жизель знает, что я поеду к тебе, она такая мужественная!
Я от нее не уйду, нет.

И. Все на самом деле стало легко и просто, и ты ни секунды не думай о том, что мне страшно. Очень страшно мне было после Кёльна. Теперь — уже нет.

П. И если ты не хочешь, чтобы я время от времени приезжал к тебе, то попытаюсь смириться и с этим. Но одно ты мне должна обещать: что будешь писать, посылать весточку о себе, раз в месяц.

И. В последнее время я боюсь не за нас с тобой, а за Жизель и тебя, боюсь, что ты потеряешь ее прекрасную тревожную душу. Но ты теперь и сам вновь обретешь зрение, и сможешь рассеять тьму, и для нее тоже. Я в последний раз заговариваю об этом, и ты можешь промолчать в ответ.

П. Завтра ты переезжаешь на новую квартиру: можно я скоро приеду и вместе с тобой пойду искать лампу?

И. После твоего отъезда я впервые снова работала с удовольствием, и даже многочасовое, монотонное перепечатывание на машинке доставляло мне радость, я вся свечусь от усердия.

П. Ингеборг, Ингеборг.

Я так переполнен тобой.

И теперь знаю, наконец, каковы твои стихи.

И. Каждый день теперь полон отзвуков. Но ты не должен из-за меня забывать о Жизели. Не по обязанности, а из-за освобождения. Кого мы можем за всё это благодарить?

П. Непокойные времена, Ингеборг. Непокойные, зловещие времена.

Я много работал последние дни — вопреки всему. Восемнадцать стихотворений Мандельштама уже переведены, я их тебе пошлю в ближайшие дни

И. Но мне грустно, и я чувствую себя посторонней всему, что меня окружает, где бы я ни была. Я начинаю работать и не хочу думать ни о чем ином, кроме как о работе, не хочу поднимать головы. Иногда мне кажется, что начинается война; во всех новостях и высказываниях сквозят зло и сумасшествие, как никогда прежде

П. Человек пытается отвечать, решается на то или это, чувствует, как его голову сжимают тиски

И. Опять одно из мертвых воскресений. Я снова перебираю страницы Мандельштама и перечитываю последние присланные тобой стихи Есенина

П. Что с нами будет, не знаю, сейчас творится так много ужасного

И. У меня есть только мои руки, чтобы обнять тебя, когда ты рядом, лишь несколько слов, чтобы что-то сказать тебе, лист бумаги, чтобы отправить тебе в Париж моё имя. Ах, Пауль

П.

«Пауль, дорогой Пауль!

Я так долго молчала и все же постоянно думала о тебе, ибо молчание показалось мне более честным в то время, за которое я смогла бы написать тебе только одно письмо, где бы ни слова не было о том, что на самом деле происходило. И все же я очень мучилась, ведь я так боялась за вас в эти уже миновавшие беспокойные парижские дни!

Нынешние август и сентябрь: полные сомнений, и все то новое, что случилось. Помнишь, в тот послеполуденный час, когда мы вышли из твоего дома на Рю де Лоншан, пили в кафе перно и ты пошутил — не влюблена ли я? Тогда это было не так, а позднее все произошло очень странным образом, только я не прибегну к таким словам. Несколько дней назад я вернулась из Каринтии, где провела последнее время... нет, я начну иначе, не стану тянуть. В эти последние дни, мои первые в Мюнхене, сюда приехал Макс Фриш, приехал, чтобы спросить меня, смогу ли я жить с ним вместе, и вот теперь все решилось. Я останусь в Мюнхене еще месяца на три, а потом перееду в Цюрих. Пауль, если бы ты был здесь, если бы я могла с тобой поговорить! Я рада случившемуся, я чувствую себя защищенной его любовью, добротой и пониманием, и я лишь иногда печалюсь о самой себе, потому что страх и сомнения не совсем покинули меня, они касаются только меня, а не его. Думаю, что имею право так сказать, ведь мы с тобой знаем — для нас почти невозможно жить с другим человеком. Но поскольку мы это знаем, поскольку мы не обманываем себя и не пытаемся обмануть другого, то может получиться что-то хорошее и доброе, если каждый день прилагать усилия, я теперь все же в это верю.

Хотела бы я пробраться в твои мысли, когда ты прочтешь это письмо. Думай обо мне хорошо!

Когда ты приедешь? Или мне приехать куда-то? Ты приедешь ко мне? Скажи! Я могу открыто видаться с тобой и всегда смогу, я этому очень рада.

Пошли мне свои стихи, всё, что есть нового! И вымолви хоть слово!

Ингеборг

Мюнхен, 5 октября 1958 года»

И.

«Моя дорогая Ингеборг!

Я должен подумать что-то доброе, для тебя, говоришь ты, — я охотно это думаю, думаю так, как, предвывая меня, думает твое письмо, из которого однозначно говорит доброе.

Защищенность, доброта, любовь и готовность к пониманию: ты обо всем этом говоришь, и уже сама способность-к-такому-говорению — порука, что для тебя это сбудется. Возможно, говорю я себе, тебе не стоит так надолго задерживаться в Мюнхене: три месяца это долгий срок.

Удавалось ли тебе и работать? Не забывай, ты хотела мне что-то послать, прозу или стихи.

Я говорю сердцу, чтобы оно пожелало тебе счастья, — оно и так желает, охотно, без подсказки: ему ведь слышно, как ты надеешься и веришь.

Пауль.

Париж, 9 октября 1958 года»

П.

«Пауль, письмо не сразу написалось, потому что мне пришлось пережить несколько трудных дней, весьма волнительных, а тут еще и грипп, ничего серьезного, но у меня ни на что нет сил, не могу работать, а ведь перед этим все так хорошо шло. И вот теперь опять: холостой ход, сомнения, подавленное состояние.

Непременно хочу увидеть тебя и прикидываю лишь, что удобнее, Базель или Страсбург, на этот раз, в первый раз после такой перемены в моей жизни. Не лучше ли нам повидаться в Цюрихе? Причина в том, что для Макса было бы легче, если бы ты с ним встретился; он уже давно просил меня, чтобы мы не исключали его из своего круга. Не знаю, получается ли у меня все объяснить — он знает, что ты значишь для меня, и никогда не будет возражать против наших встреч, в Базеле, Париже или где-то еще, но я не должна вести себя так, чтобы у него возникло ощущение, будто я с ним тебя избегаю или его — с тобой.

Скажи, как ты к этому относишься! Могу предположить, что тебе будет нелегко, возможно, даже тяжело поддерживать с ним контакт, но ведь познакомиться друг с другом все же можно. И нисколько не сомневайся, не бойся, что у нас с тобой в Цюрихе будет мало времени друг для друга.

Я пока не говорила Максу, что мы с тобой собираемся увидеться, потому что должна сначала услышать ответ от тебя.

Прошу тебя, Пауль, теперь о другом, поскольку мне надо кое-что сказать тебе по поводу телефонного разговора: ты ставишь меня в трудное положение только в том случае, когда начинаешь предполагать, что я могла что-то понять неправильно. Говори мне все, что хочешь сказать, и обдуманное, и необдуманное, для меня все годится — все правильно и все годится.

Твой Блок великолепен, ненарочито необуздан — вулканический взрыв немецкой речи, вызывающий изумление. Я счастлива им, он весь — целое и единое!

Скоро выйдут твои стихи, снова связанные с нашим с тобой временем. (Не забудь позаботиться об обложке, тут порой случаются неприятные сюрпризы.)

Думаю о тебе сильно и много!

Ингеборг.

Цюрих, 8 февраля 1959 года»

И.

«Дорогая Ингеборг, прежде всего поздравить тебя с премией. Тут ведь приложили руку слепые, однако один из них, должно быть, оказался зрячим — а может, даже многие.

О себе я мало что могу сообщить. Ежедневно сталкиваюсь с подлостями, их мне подносят в изобилии, на каждом перекрестке. Последнего «друга», который премировал меня (и Жизель) своей лживостью, зовут Рене Шар. Почему бы и нет? Я ведь переводил написанные им стихи (к сожалению!), поэтому дело не могло обойтись без его благодарности, которую я имел удовольствие испытывать на себе и раньше — правда, в меньших дозах.

Ложь и подлость. Почти повсюду.

Мы одиноки и беспомощны.

Передай привет Максу Фришу —

Пусть тебе будет хорошо и легко —

Твой Пауль.

Париж, 2 марта 1959 года»

*титр: с августа 1953 года
в разных изданиях Германии
начинают звучать обвинения
Целана в плагиате со стороны
Клэр Голль*

И.

«Моя дорогая Ингеборг!

Вчера сюда приезжал Макс Фриш, неожиданно, я не был к этому готов; приехали и другие цюрихские знакомые, Аллеманы, поэтому наш с Фришем разговор получился коротким — может, лишь на мгновение таким, как надеялись он и я.

Дела у меня — мое последнее письмо на свой дурацкий манер говорит об этом — идут неважно; и хотя я перевел «Юную парку», я опять в полном разладе с собой и со всем прочим: не понимаю, зачем нужно писать стихи и что должен делать тот, кто уже вжился в писание стихов? И кроме того... »

Сильс-Баселья, 15 июля 1959 года

П.

«... я устаю от сомнений, ещё не начав писать.

Я размышляю и размышляю, но по-прежнему думаю на том языке, к которому более не испытываю доверия, на котором я больше не хочу выражать себя. Всего тебе доброго, дорогой Пауль!»

Утикон-ам-Зее, 3 сентября 1959 года

И.

«Я, между прочим, и в других отношениях опять погружаюсь во тьму»

Париж, 7 сентября 1959 года

*титр: 11 октября 1959 года
публикуется рецензия Гюнтера
Блёкера на «Решетку языка»
в берлинской «Тагесшпигель»
Целан воспринимает рецензию
как антисемитскую*

Решетка речи

П. Я написал тебе 17 октября, Ингеборг, — попав в беду.

23 октября, не дождавшись ответа, я, еще не справившийся с этой бедой, написал Максу Фришу. Потом, поскольку беда продолжалась, я пытался связаться с тобой по телефону, много раз — но напрасно.

Ты — как я узнал из газет — поехала на встречу «Группы 47» и там снискала большой успех рассказом «Всё».

Ты также знаешь — точнее, знала когда-то, — что я пытался выразить в «Фуге смерти». Ты знаешь — нет, знала раньше, — а потому должна теперь вспомнить, что «Фуга смерти» для меня, помимо прочего, вот что: надгробная надпись и могила. Кто пишет о «Фуге смерти» так, как написал этот Блэкер, — оскверняет могилы.

У моей мамы тоже есть только такая могила.

Ты же, Ингеборг, пытаешься утешить меня моей «славой».

Как ни тяжело мне, Ингеборг, — а такое дается тяжело, — я прошу тебя больше мне не писать, не звонить и не посылать никаких книг; ни сейчас, ни в ближайшие месяцы — еще долго. Ту же просьбу я направляю через тебя Максу Фришу. И, пожалуйста, не ставьте меня в положение, когда я вынужден буду посылать ваши письма обратно!

Я, хотя перед глазами у меня стоит многое, не хочу продолжать это письмо.

Я должен думать о маме.

Я должен думать о Жизели и нашем ребенке.

Я искренне желаю тебе, Ингеборг, всего доброго! Пусть у тебя все будет хорошо!

Пауль.

Париж, 12 ноября 1959 года

П. Я беспокоюсь о тебе, Ингеборг.

Но ты должна понять: мой крик о помощи — ты его не слышишь, ты не в себе (где я надеюсь тебя застать), ты... в литературе.

Париж 17 ноября 1959 года

И. Пауль, слава богу. Я снова могу дышать.

Последние дни здесь, с тех пор как получила твое письмо, — все было ужасно, во взвешенном состоянии, на краю разрыва, друг другу нанесено столько ран. Но я не могу и не имею права говорить о том, что происходит здесь.

Нельзя такому случиться, чтобы ты и я еще раз потеряли друг друга, — меня это уничтожит. Ты говоришь, что я не в себе, а... в литературе! Нет, прошу тебя, это не так, куда завели тебя твои мысли? Я там, где я была всегда, только вся потерянная, готовая рухнуть под давящим грузом, как тяжело нести на себе даже одного человека, впадающего в одиночество под воздействием болезни и саморазрушения. Я знаю, мне надо быть еще сильнее, и я смогу.

Я услышу тебя, но и ты помоги мне — услышь меня. Шлю тебе телеграмму с номером телефона и молюсь о том, чтобы мы нашли нужные слова.

Цюрих, 18 ноября 1959

И. ТОЛЬКО НЕ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ДАЙ НАМ НАЙТИ СЛОВА

Телеграмма 18 ноября 1959 года

И. Пауль, я догадываюсь, какую трудную пору ты пережил, но догадываешься ли ты, что произошло здесь, со мной, — в этом я порой сомневаюсь. Я и Клаусу не все смогла рассказать, это было невозможно.

А еще эти нагрузки, Франкфурт, работа днем и ночью несколько недель подряд, ведение хозяйства на два дома, без прислуги, все сошлось вместе так, что хуже не бывает, — я порой удивляюсь, что еще держусь на ногах.

А еще впереди Рождество. В Каринтию я не поеду, нужно работать, праздника у меня не будет. Сегодня во второй половине...дня я написала Жизели — не осложняй ее жизнь, будьте счастливы, и у вас есть Эрик, я часто думаю о нем и о том, что он есть на свете.

Цюрих, 21 декабря 1959

И. Дорогой Пауль!

После всего, что случилось, я считаю, что для нас больше не существует никакого продолжения. Для меня оно теперь невозможно.

Мне очень трудно говорить об этом.

Желаю тебе всего доброго.

Ингеборг.

Февраль 1960 года, Цюрих

П. Я пишу тебе, Ингеборг.

Ты еще помнишь, что я сказал, когда видел тебя в последний раз, два года назад, в Париже, в такси перед твоим отъездом?

Я это помню, Ингеборг.

«Не растрачивай себя в авантюрах, Ингеборг», — вот что я тогда сказал.

Ты растратила себя в авантюрах — а что ты этого даже не понимаешь, как раз и является... доказательством.

Всем, кто так охотно клеветает на меня, ты веришь на слово; а моего мнения даже не спрашиваешь. Всё, что обо мне нагнали, для тебя имеет силу свидетельства. Меня же самого ты не воспринимаешь всерьез, не хочешь всерьез признавать, не хочешь ни о чем спрашивать.

Ингеборг, на чьей же ты стороне? Приходит такой вот Блёкер, приходит осквернитель могил, я пишу тебе, в отчаянье, а у тебя не находится для меня ни словечка, ни звука: ты уезжаешь на литературные чтения. (Но когда речь заходит о какой-то литературной премии, ты пишешь мне сразу же, «во вторник ночью».)

Я не особенно хорошо о тебе высказывался, Ингеборг, в эти последние месяцы — если ты хоть на минуту опять станешь самой собой, ты поймешь, как и почему это получилось.

И — пожалуйста —: Не спрашивай сейчас, прежде чем отвечать или не отвечать мне, совета у других — Спроси себя.

Пауль.

Париж, 19 мая 1960 года

И. Дорогой, дорогой Пауль!

Двадцать пятого числа я здесь буду — так что мы увидимся! Я так рада, что опять могу радоваться, что вновь обрела тебя в тот дождливый день в Париже. Мы с тобой

найдем путь и средство изгнать из мира худой мир. Я увижу д-ра Вебера на следующей неделе, мы об этом поговорим, он покажет мне эти публикации. Сцонди, говорят, очень хорошо ответил на них в газете.

Утикон-ам-Зее, 18 ноября 1960 года

П. Ингеборг, не забывай: так называемое наследие Голля является — что легко доказать — искусственно созданной конструкцией. После смерти Г. осталось совсем немного написанных по-немецки стихотворений. Тот факт, что К.Г. поставила под ними даты 1951, 1956 и 1960 годы, а также сравнение обеих «редакций» её предисловия к «Сон-траве», писавшегося в 1951 и 1960 годах, позволяют отчетливо увидеть, что как и почему здесь ретушировалось.

Париж, 9 января 1961 года

И. Дорогой Пауль!

Я узнала, что появились ещё и другие статьи, в которых авторы выступают за тебя, одна статья опубликована Сцонди в «Нойе Дойче Хефте», а одна — отклик на «Нойе Рундшау» в журнале «Нас Шёнсте». К сожалению получить их мне не удалось, и я не смогу их поэтому тебе послать. Очень важно также, что Мауер на востоке забрал назад своё негативное высказывание, и это окажет воздействие. Будь уверен в себе, тебе это необходимо.

Твоя Ингеборг

Утикон-ам-Зее, 18 ноября 1960 года

И. Сейчас я снова испугалась, когда ты сказал по телефону, что просишь прощения за то, что сделал, и я не знаю, что ты имел ввиду, но мне снова боязно, и не потому что мне снова что-то принесет огорчение, а потому что я чувствую, как лишаюсь всякого бесстрашия, нужного для нашей дружбы, для дружбы, что превышает обычное сочувствие к человеку и желание, чтобы у тебя всё изменилось к лучшему. Этих чувств мне слишком мало, и для тебя их тоже недостаточно.

Итак, скажем честно: речь идет о том, что мы с тобой не потеряли друг друга. И вот я спрашиваю себя, кто я для тебя, кто — по прошествии стольких лет? Призрак или реальность, которая больше не соответствует призраку? Ведь у меня столько всего произошло и я хочу быть тем, кто я есть сегодня, а воспринимаешь ли ты меня сегодня вообще?

Ты хочешь быть жертвой, но в твоей власти — не быть ею... Несомненно, несчастье придет, оно уже идет, оно придет сейчас извне, но ты санкционируешь его приход. И вопрос в том, санкционируешь ли ты, принимаешь ли ты его.

Я много думаю о Жизели... Она сжилась с твоим несчастьем, но ты бы с её несчастьем не сжился. Я требую, чтобы мужчине было довольно того, что он находит подтверждение во мне, однако за ней ты такого права не признаешь — как несправедливость.

Из неотправленного письма 27 сентября 1961 года

И. если бы я, как это делают другие, могла написать письмо в свободный час или вечер — однако вот уже давно со мной что-то вроде болезни, я не в состоянии писать, силы мои кончаются, стоит мне только поставить дату или заправить лист в машинку.

Рим, 5 декабря 1961 года

титр: Конец 1962 – начало 1963 года
Лечение Бахман в клинике
в Цюрихе

П. Дорогая Ингеборг!

Я, когда прочитал в газете, что ты побывала в России, очень тебе позавидовал, особенно в связи с твоим посещением Петербурга. Но вскоре, в конце августа, я узнал во Франкфурте от Клауса Вагенбаха, что это все неправда, больше того: что у тебя было плохо со здоровьем и ты только недавно вернулась из больницы... Я хотел сразу позвонить, но у тебя тогда еще не было телефона.

Теперь я пишу, только несколько строк, чтобы и тебя попросить о нескольких строчках. Дай мне, пожалуйста, знать, как у тебя дела.

У меня позади осталось несколько не очень радостных лет — «осталось за плечами», как принято выражаться.

В ближайшие недели появится мой новый поэтический сборник: туда вошли разные впечатления, и я, между прочим — что было, можно сказать, предопределено, — выбрал там для себя совершенно «далекий от искусства» путь. Это документ кризиса, если хочешь, — но чем бы была поэзия, не будь она и этим тоже, причем в радикальном смысле?

Итак, напиши мне, пожалуйста, несколько строк.

Желаю тебе всего доброго, Ингеборг.

Сердечно, Пауль

Париж, 21 сентября 1963 года

титр: Конец 1962 – начало 1963 года
Первое стационарное
пребывание Целана
в психиатрической клинике

П. Вернувшись три дня назад из Фрайбурга, я услышал от д-ра Унзельда историю с Ахматовой; и тогда купил «Шпигель».

Позволь сердечно поблагодарить тебя за то, что ты порекомендовала меня «Питеру» как возможного переводчика этой русской поэтессы — чьи стихи я давно знаю. Мандельштам был одним из самых верных её почитателей.

Может, ты мне напишешь хоть несколько строк.

Всего доброго!

Сердечно, Пауль

Франкфурт, 30 июля 1967 года

<i>титр: Вы, слова</i>	<i>Фуга смерти</i>
<i>Ингеборг Бахман</i>	<i>Пауль Целан</i>

П. Слова, встаём, за мной,

И. ЧЁРНОЕ млечиво рани мы пьём тебя вечером

П. и даже если далеко зашли мы,

И. мы пьём тебя в полдень и утром мы пьём тебя ночью
мы пьём и мы пьём

П. и слишком далеко, зайдём ещё

И. мы в воздухе роем могилу там не тесно лежать

П. намного дальше, и концу не быть.

И. В том доме живёт человек он играет со змеями ночью он пишет

П. Ясней пусть не становится.

И. он пишет стемнеет когда в Германию он Маргарита твои золотые волосы

П. Ведь слово,
оно лишь тянет
другое слово за собой.
И фраза – фразу.
Потому что мир,
в конце концов,
стремится
сказан быть.
Так пусть не будет.

титр: 24 ноября 1965 года
Целан покушается на жизнь
Жизели Целан-Лестранж,
после чего его принудительно
помещают в психиатрическую
клинику (до 11 июня 1966 года)

И. Слова, за мной,

П. он пишет их после из дома выходит и звёзды сверкают он свистом зовёт своих
кобелей

И. нет окончательным решениям...

П. он свистом евреев своих подзывает велит им лопатами землю

И. нет, этот блуд словес,

П. сыграйте он нам приказал и танцуйте давайте

И. нет, речь противоречий!

*титр: Февраль – март, ноябрь
1965, май и конец лета 1966,
февраль 1967
длительное лечение Бахман
в Баден-Бадене*

П. Чёрное млечиво рани мы пьём тебя ночью
мы пьём тебя утром и в полдень мы пьём тебя вечером
мы пьём и мы пьём
В том доме живёт человек он играет со змеями ночью он пишет
он пишет стемнеет когда в Германию он Маргарита твои золотые волосы

*титр: 30 января 1967
Покушение на жизнь Жизели
и на самоубийство, затем Целану
делают срочную операцию и помещают
на принудительное лечение в психиатрическую
клинику (до 17 октября 1967 года). В апреле
Жизель Целан-Лестранж просит о разводе*

П. Твои пепельные Суламифь мы в воздухе роём могилу там не тесно лежать
Он кричит вгрызайтесь в земные раздолья поглубже эй ты и другой а вы пойте
играйте
он железо срывает с ремня он им машет глаза его сини
вгрызайтесь поглубже лопатами эй ты и другой давайте играйте танцуйте

*титр: 20 января 1970
Самоубийство Целана
(бросился в Сену)*

И. Чёрное млечиво рани мы пьём тебя ночью
мы пьём тебя утром и в полдень мы пьём тебя вечером
мы пьём и мы пьём

титр: 17 октября 1973 года

*Бахман умирает в одной из римских больниц
от сильных ожогов полученных во время пожара
в своей квартире от непотушенной сигареты*

голоса Бахман и Целана (записи, возможно, тоже с наложениями)